

Особенности становления партийной системы современной России

Н.А. Шаруненко

Санкт-Петербургский государственный университет
низкотемпературных и пищевых технологий

В данной статье рассматривается процесс становления партийной системы в современной России и оценка политологами особенностей этого процесса.

Ключевые слова: Партийная система, политический режим.

В политической науке под влиянием работ французского политолога Р. Арона утвердилось мнение о том, что характер политической системы и политического режима определяется в первую очередь типом партийной системы. В этом случае для противопоставления демократии и тоталитаризма (авторитаризма) «в качестве критерия» применяются «различия между многопартийностью и однопартийностью» [1, с.62].

Поэтому политические преобразования в России 90-х годов прошлого века направлены были в первую очередь на ликвидацию монополии КПСС на власть в обществе и на утверждение партийной системы европейского типа, т.е. многопартийной политической системы.

Во многих публикациях последних 17-ти лет и в общественном сознании российских граждан сложилось твердое убеждение, что на смену однопартийной системе пришла близкая к европейской классической модели многопартийная система. Однако критически мыслящие политологи уже с середины 90-х годов стали замечать, что реальные политические процессы в России существенно отличаются как от традиционных, так и от современных европейских.

Например, Т.В.Шмачкова в статье, посвященной становлению российской партийной системы [2], хотя и полагала, что для России приемлема европейская многопартийная модель, но отмечала иррациональность отечественного партийного строительства, находила, что некоторые новорождённые партии являются «партэрзацами», «квазипартийными образованиями». Она всё ещё находила малоубедительными предположения о том, что в России складывается непохожая на европейскую модель типа: «Партия власти» — «оппозиция» [2, с. 30]. Причину она видела в субъективизме «государственных деятелей и партийных сил страны, ... которые... игнорируют основные закономерности рационализации политического процесса» [2, с.51].

Санкт-Петербургский же политолог В.Я. Гельман [3] обратил внимание на более глубокие причины «странностей» партийной системы в России. Он отказался от употребления термина «многопартийность» относительно России и

использовал лишь нейтральное понятие «партийная система». Но самое серьезное его рассуждение заключалось в том, что сама Конституция РФ 1993 года не позволяет создать ни многопартийную, ни двухпартийную систему в России.

В.Я.Гельман обратил внимание на то, что ныне действующая Конституция так существенно «ограничивает полномочия парламента над правительством», что утверждает «почти безраздельное господство президента над правительством». «Применительно к развитию партийной системы в России подобное состояние дает целый ряд негативных эффектов» [3, с.189]

Во-первых, в России невозможно партийное правительство, так как согласно Конституции правительство формируется не победившей на выборах партией, а беспартийным президентом. Позиция правительства определяется не партийной программой, а администрацией президента. Перед представителями партии (равно как и партийной коалиции) неизбежно возникнет дилемма: либо выйти из правительства, когда правительственный (и президентский) курс не будет соответствовать партийной программе, либо отказаться от партийной идентичности и полностью следовать «генеральной линии» президентской команды.

Во-вторых, в России невозможна правящая партия в полном смысле этого слова, так как ни доминирующая партия, ни партийная коалиция согласно Конституции не полномочны определять состав и политику правительства. В современной России отсутствует также потребность в создании партийных коалиций, так как любая коалиция, даже обладающая 100% мандатов в парламенте не сможет существенно влиять на позицию беспартийных правительства и президента.

К этому критическому замечанию В.Я. Гельмана уместно добавить, что в России в силу неостребованности партийных коалиций оказывается бесполезной и сама многопартийная модель.

В-третьих, отмечает В.Я. Гельман, в России малоэффективна деятельность оппозиции. Занимать конструктивную оппозицию не в состоянии ни одна из партий, ни любая партийная коалиция, ибо отсутствует реальный механизм проведения конструктивной оппозиции. Даже «оппозиционное президенту парламентское большинство оказывается перед выбором между стратегией радикального противостояния всем инициативам исполнительной власти без малейшей надежды на успех... и стратегией «врастания во власть», чреватой потерей идентичности и утратой электоральной базы» [3, с.190].

Любая партийная система в России малоэффективна потому, что Конституция ставит не политическую партию, не правительство, а президента в привилегированное положение. При неудаче президент легко выйдет из положения, отправив правительство или какого-либо министра в отставку. В.Я. Гельман разделяет точку зрения А. Рябова о том, что российскому президенту выгодно находиться вне какой-либо политической партии и быть свободным от партийного контроля. «Для президента подобная зависимость объективно не выгодна, и потому попытки создания «партии власти» (ДВР, НДР и др.) регулярно проваливаются» [3, с. 190].

Серьезные попытки осмысления общественных факторов становления партийной системы в России, поиска закономерностей этого процесса сделаны С.Н. Пшизовой в публикации «Какую партийную модель воспримет наше общество?» [4]. Автор указанной статьи рассматривает не только специфические особенности постсоветского общества, но и современные тенденции развития западных партий, отмечая и отличия, и сходства проявления этих тенденций.

Если большинство политологов находит, что в России возникло несколько партий традиционного типа (ЛДПР, «Яблоко», СПС, КПРФ), то С.Н. Пшизова сокращает их число до одной. «С точки зрения классической теории, в России была, есть, и, смею сказать, еще долго будет одна партия... По сравнению с ней все остальные организационно выглядят уродцами... Оргструктура КПРФ — недостижимый идеал для всех других партий» [4, с. 104].

«Партия власти» в России с точки зрения теории не партия, а «квазипартия», «суперпартия». Она отличается от правящих партий других стран. «Российская «партия власти» не будучи политически и организационно оформленной, может включать в себя представителей самых разных партий и движений» [4, с. 106].

Однако незначительный успех КПРФ на выборах надо рассматривать не как парадокс, а как закономерность. Наступила новая эпоха телекоммуникационных технологий. В наше время человек получает основную информацию не на собрании, не через общение с другими людьми, не через сопричастность к какой-либо организации, а индивидуально на дому через СМИ. Телевидение делает ненужным организацию, оставляет не у дел партийных активистов. «Телевидение нанесло партиям сильный удар» [4, с. 110]. Именно поэтому оно оказалось наиболее губительным для массовой политической партии, т.е. для КПРФ.

Сегодня имидж кандидата стал более важным, чем партийная программа и практическая политика. При этом возросла и роль специалистов, формирующих этот имидж, и роль СМИ, возрастает и значение методов манипулирования общественным мнением.

В скором будущем, предсказывала С.Н. Пшизова, лидер будет оставаться один на один с избирателем, посредниками будут не «организации единомышленников», а имиджмейкеры. Жизнь показала правомерность такого прогноза: нынешние политические лидеры В.В. Путин и Д.А. Медведев не нуждаются в партии для общения с избирателями, с народом.

Итоги последних выборов 2003 и 2007 годов более отчетливо высветили направление эволюции как политического режима, так и партийной системы. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной (5) исполнительная власть получила практически полный контроль над парламентом. Главным инструментом Достижения электорального успеха стал административный ресурс. Произошло становление фактически однопартийной системы. Получилось почти по В.С. Черномырдину: «Сколько партий в России ни создавай, все равно получается КПСС». В нынешней политической системе страны место КПСС заняла «Единая Россия».

Но наше время характеризуется тем, что традиционные партийные системы всех стран существенно трансформируются. Возникают новые «пост-модернистские» партии. Это всеохватные, картельные партии, действующие по принципу «хватай всех подряд». Но для России характерна не только эта, но и другая роковая особенность, проявляющаяся в том, что ее партийная система тяготеет не к плюралистической, а к моноцентричной модели.

Особенностью России является еще и то, что власть одной партии (КПСС) перешла не к другой и не ко многим партиям, а осуществила другую трансформацию. Власть КПСС была демонтирована в конце 80-х — начале 90-х гг. с использованием института государства, а в 90-е годы появились еще и новые игроки — политико-финансовые (олигархические) кланы. Государство и эти кланы, вступив в конкурентную борьбу за власть, обзавелись и собственными политическими партиями.

«Единая Россия» лишь с натяжкой может быть названа политической партией, т.к. до сих пор не определилась ни с идеологической идентификацией, ни с партийной программой. Она опирается не на избирателя, а на государственный ресурс, но став «партией власти» отражает интересы не государства, а той группировки, которая в данный момент находится у власти. Именно смена у власти различных конкурирующих кланов predetermined перетекание партийных функционеров «партии власти» из ДВР в НДР, потом в «Единство» и, наконец, в «Единую Россию». Все эти партии, по мнению, О.В. Гаман — Голутвиной являются картельными.

Характеризуя партийную систему, Гаман-Голутвина отмечает, что из возможных альтернативных вариантов: «многопартийность» и «двухпартийность» Россия избрала «полупартийную систему» при доминировании «партии власти» [5, с. 25].

Если В.Я. Гельман учел определяющее влияние Конституции РФ на становление партийной системы, а С.Н. Пшизова отметила значимость новых телекоммуникационных технологий, то И.И. Глебова в своей работе «Партия власти» [6] подчеркнула особый характер российской власти. Если в странах Запада становление «партии власти» является партийным феноменом, т.е. вытекает из развития самих партий, то в России «природа этого феномена — не партийная, а властная», связанная «со спецификой самой Русской власти» [6, с. 85].

Русская власть на протяжении всей своей истории не нуждалась в партии, она сама была всё. Только в периоды кризисов и слабости она временно «мимикрировала», становясь внешне похожей на европейскую власть. «Так было в 1906 году, ... так произошло и в 1993 году» (Там же). Даже ленинская «партия нового типа» не избежала этой роковой судьбы. Завоевывала власть она еще как партия, но укрепив свое положение, «перестала быть партией (в смысле «pars») и переродилась в инструмент власти. Властное начало победило в ней партийное. Иначе говоря, она превратилась в саму власть, «оправленную» в партийность» [6, с. 87]. Но окончательно идея «партии власти» стала реализовываться лишь после 1993 года. В этот период власть занималась конструированием собственных партий. Первые «партии власти» оказались слабыми,

но причина заключалась не в них, а в слабости самой власти. И только укрепление самой власти («Вертикали власти») позволило создать более успешную «Единую Россию».

«Единая Россия» отличается как от правящих партий Запада, так и от КПСС. Европейские правящие партии — это плод гражданского общества, который накопив силы завоевал власть и удерживает ее. Российская «партия власти» — это часть самой власти, это «лишь исполнитель властного заказа, она выполняет не функцию артикуляции интересов электората, а функцию представительства власти».

Русская власть всегда была тайной властью, а сейчас она приспосабливается к публичной власти. «Партия власти» — публичный инструмент «непубличной» Русской власти [6, с. 87].

«Единая Россия» не партия в строгом смысле этого слова, у нее нет партийной программы, нет своей идеологии и нет доверия в обществе. Но она в этом и не нуждается: программу ей формирует власть, для нее достаточно, чтобы власть внятно подавала свою идеологию. «Единой России» даже не надо стремиться к завоеванию власти, ее главной публичной ролью является забота об имидже власти. Ведь чем сильнее и привлекательнее сама власть, тем вероятнее победа ее «партии». Необходимо отметить также, что особенностью современной российской власти является объединение двух конкурирующих элитных групп: «корпоративного капитала» («олигархов») и «институтов власти» (чиновников). «Партия власти» объединила эти конкурирующие группы политической элиты и тем сняла остроту противоречия между Властью и Собственностью. Таким образом построение в России многопартийной модели выявило устойчивое воспроизводство «партии власти». В настоящее время «Единая Россия» располагает в Думе квалифицированным большинством и патронирует все 29 парламентских комитетов. Законодательная власть из оппонента исполнительной власти превратилась в преданного её сторонника. В общественном мнении «верховная власть персонифицирована в фигуре главы государства» [7, с.71].

Перед последними выборами в Государственную Думу (2007 года) в становлении партийной системы в России наблюдались новые явления. При поддержке власти стали создаваться, хорошо финансироваться и раскручиваться через СМИ новые партии, которые политолог А. Фролов назвал «партиями-спойлерами» [8]. Английское слово «спойлеры» переводится как «грабители». Такие партии нужны для ослабления оппозиционных сил, для привлечения на свою сторону части протестного электората. В 2006 к спойлерам КПРФ социологи относили «Родину», Партию пенсионеров (РПП), Аграрную партию (АПР) и «Патриотов России» [8]. В 2007 году две из этих партий: «Родина» и РПП объединились вместе с «Партией жизни» и составили «Справедливую Россию», которая стала претендовать на вторую партию власти. Однако, после того, как на выборах в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в марте 2007 года «Справедливая Россия» потеснила не столько КПРФ, сколько «Единую Россию», её финансовая поддержка и поддержка в СМИ пошли на убыль.

К наиболее ярким проявлениям своеобразия партийной системы России политологи относят также и то, что во главе «партии власти» с 2008 года встал беспартийный лидер В.В. Путин, переместившийся с должности президента в кресло главы правительства страны.

Таким образом, в России вместо становления многопартийной демократии наблюдается процесс смены одного однопартийного типа авторитаризма на другой. И вопрос только в том, как долго новый режим будет маскироваться под демократию, как скоро он станет откровенно авторитарным. Политологи Л.Е. Бляхер и Т.Л. Огурцов совсем недавно отмечали, что «легитимность режима пока базируется только на харизме В. Путина и растущих ценах на нефть и газ» и не исключают, что в менее благоприятной ситуации «он будет вынужден всё более стремительно эволюционировать в сторону откровенной диктатуры» [9, с. 66].

Эти прогнозы политологов оправдываются в условиях начавшегося мирового экономического кризиса. Последние инициативы президента подтвердили предположения о том, что пока лидеры страны В.В. Путин и Д.А. Медведев сохраняют высокую популярность, они неизбежно будут способствовать перенастройке политических институтов в интересах центральной власти [10]. Уже на первом году президентства Д.А. Медведева «Единая Россия» поддержала его предложение об удлинении сроков полномочий президента с четырёх до шести и парламента с четырёх до шести лет и провела через Государственную Думу соответствующую поправку к Конституции. А в марте 2009 года Государственная Дума утвердила в первом чтении президентский законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». Хотя новые поправки в закон смягчают формальные требования к политическим партиям и будут способствовать увеличению количества партий, представленных в органах власти, но выигрывают от них в первую очередь праволиберальные силы.

Оппозиционная КПРФ расценила эту инициативу президента, как попытку реанимировать «осколки маргинальных партий либерального толка», подставить кремлёвское плечо «праводельцам». Опасным и неприемлемым по оценке коммунистов является предложение об ограничении сроков полномочий партийных лидеров и о ротации руководящих кадров всех политических партий. Газета «Советская Россия» расценила это как стремление президента осуществить «политическую приватизацию», «управлять партиями» [11].

Все это может таить в себе ту опасность, на которую указывал еще Платон, когда народный «ставленник, пользуясь совершенным повинением народа» установит тиранический режим, при котором «чернь, убегая от дыма рабства, налагаемого людьми свободными, попадает в огонь рабов, служащих деспотизму» [12, с. 147, 154].

Список литературы

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. – 303 с.
2. Шмачкова Т.В. Теории коалиций и становление российской многопартийности (методики рационализации политического процесса) // Полис, 1996, №5, с.28 – 52.
3. Гельман В.Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис, 1997, №3, с.188 – 191.
4. Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество? // Полис, 1998, №4, с.101 – 113.
5. Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: Картель «хватает – всех» // Полис, 2004, №1, с.22 – 25.
6. Глебова И.И. Партия власти // Полис, 2004, №2, с.85 – 92 .
7. Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Полис, 2006, №3, с.67 – 74.
8. Фролов А. Партии и спойлеры // Советская Россия, 2006, 4 апреля, №35, с. 3.
9. Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л. Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности // Полис, 2006, №3. с.53 – 65
10. Костиков В. Запах победы // Аргументы и факты, 2009, 11 – 17 марта, №11, с. 6.
11. Власть строит партии под себя // Советская Россия, 2009, 19 марта, №27, с. 1
12. Платон. Государство. Книга восьмая // Книга государя. Антология. СПб. Амфора, 2004, с.110-156.